

[Рец. на: /Review of:] **J. Bressem. *Repetitions in gesture: A cognitive-linguistic and usage-based perspective***. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. (Applications of Cognitive Linguistics, 46.) ix + 260 p. ISBN: 978-3-11-069772-8. DOI: 10.1515/9783110697902.

Юлия Владимировна Николаева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
julianikk@gmail.com

Yulia V. Nikolaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; julianikk@gmail.com

Благодарности: Рецензия написана в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Acknowledgements: This review was written within the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.157-166

1. Введение

В последнее десятилетие развивается когнитивный подход к грамматике [Langacker 1999] и новые модели учитывают в том числе и жестикуляцию, сопровождающую речь [Kok, Cienki 2016; Wilcox, Xavier 2013]. Эти модели рассматривают жесты как знаковые единицы и допускают, что они могут быть частью высказывания. Типичные примеры единиц, в которых жесты встроены в синтаксическую структуру предложения, — высказывания с указательным жестом (*von там*) и невербальные подтверждения отрицания, такие как жест «покачать головой». Сторонники такого подхода к языку исходят из того, что речь изначально мультимодальна, а грамматика — «потенциально мультимодальна» [Cienki 2012].

Уже накоплено много подтверждений того, что жестикуляция так же подчиняется коммуникативному намерению, как и речь, и регулируется теми же принципами. Мы можем наблюдать тесную связь кинетических сигналов с семантическими, синтаксическими и прагматическими характеристиками соответствующих высказываний, которая подкрепляется синхронизацией речи и жестов. Среди самых заметных функций жестов — передача пространственной информации (в дополнение к вербальному сообщению) и выделение главных элементов в сообщении (см., например, [Müller, Tag 2010]); движения говорящего показывают его иллокутивное намерение, играют важную роль в управлении коммуникацией и выражают отношение говорящего к передаваемому сообщению. Кроме того, в зависимости от аспектуальных характеристик глагола у сопровождающих его жестов меняется форма (место жеста в пространстве, направление и скорость движения, траектория и т. д.), характер соотношения с речью по времени (жесты могут запаздывать по отношению к соответствующему глаголу или его аргументам, либо опережать их) и распределение информации между двумя модальностями [Duncan 2005; Kita, Özyürek 2003; McNeill, Duncan 2000; Müller 2000].

Книга Яны Брессем «Повторы в жестах» («*Repetitions in gesture*») рассматривает жестикуляцию, сопровождающую речь, как знаковую систему и развивает принципы **мультимодальной грамматики**, рассматривающей жестикуляцию как часть речевого сообщения, подчиняющуюся тем же принципам, что и языковые структуры. Рекурсия как

свойство языка наглядно проявляется в жестикуляции в виде повторения движений, и изучение свойств таких рекурсивных паттернов может приблизить нас к пониманию природы языка в целом. Я. Брессем сравнивает повторы в звучащих и жестовых языках и в жестикуляции (далее обозначения «жестикуляция» и «жесты» будут относиться к движениям рук, сопровождающим речь, если не сказано иное). Таким образом, важным принципом становится мультимодальность, которую автор определяет как а) структурную взаимосвязь нескольких каналов коммуникации, которые объединяются в единую семиотическую систему, или б) единую семиотическую систему, выраженную в разных модальностях (см. также [Fricke 2012; 2014]). Я. Брессем называет свой метод мультимодальной грамматикой конструкций, описывающей взаимосвязь между речью и жестикуляцией с позиций когнитивной лингвистики и на основе корпусных данных.

2. Редупликация в звучащих и жестовых языках

Основная идея, обосновывающая изучение жестовых повторов с позиций мультимодальной грамматики, заключается в следующем: абстрактный процесс копирования, с одной стороны, и иконичность самой схемы, с другой, являются базовыми принципами, по которым строятся повторяющиеся последовательности в речевых и визуальных каналах.

Повтор элементов при образовании единиц более высокого порядка в звучащих языках можно наблюдать на всех уровнях, начиная от повтора слогов (*ку-ку*, *тик-так*) и морфем (*прапрапрадедушка*). Для стилистических целей этот же принцип может использоваться при повторении отдельных слов (*очень, очень горячий; быстро-быстро*) или более длинных конструкций (*Там акула, там акула позади тебя!*), может быть средством словообразования или использоваться для выражения числа и времени; в жестовых языках редупликация служит, например, для образования множественного числа или наречий времени.

Говоря о морфосинтаксических функциях редупликации в звучащих языках, можно отметить следующие: в области именных частей речи это образование существительных, множественность, образование реципрокальных местоимений; для глаголов функции еще разнообразнее и включают глагольную множественность (число участников, дистрибутивность, совместность) и аспект (континуативные, инхоативные, комплетивные и итеративные значения). Типологически самыми частотными из этих значений оказываются множественность, диминутивность и интенсификация [Mattes 2014; Niepokuj 1997; Usrensky 1972]. Из этих значений видно, что редупликация — явление, отличающееся большой степенью иконичности, но не обязательно через увеличение объема или числа сущностей (ср. «повтор единицы указывает на повторяющийся опыт» [Haspelmath 2008: 3]), а скорее через усложнение описываемых качеств [Stolz 2007].

В жестовых языках редупликации — чрезвычайно продуктивный механизм для образования глагольных и именных форм со значениями аспектуальности, дистрибутивности, временным и лично-числовым маркированием, что в целом очень похоже на список значений для звучащих языков. Дополнительные возможности, предоставляемые визуальной модальностью, включают, помимо числа повторов, их скорость и амплитуду, возможность использовать при редупликации две руки вместо одной, а также изменение места производства жеста и направления движения (так, для реципрокальных значений движение двух рук будет разнонаправленным — к себе и от себя). Другое отличие жестовых языков — в числе повторов: в звучащих языках элемент, как правило, повторяется дважды, в жестовых двукратные повторы хоть и встречаются, но гораздо реже, чем многократные [Wilbur 2009; Pfau, Steinbach 2006], поскольку некоторые лексемы жестовых языков состоят из повторяющихся движений [Kimmelman 2018]; при этом в жестовых языках повторы

строго ритмичны и с точки зрения конфигурации и ориентации рук представляют собой точные копии исходных единиц. Обычно литература о жестовых языках не различает итерацию и редупликацию, однако некоторые источники упоминают знаки с незначимым переходным элементом (возвращением в начальное положение) между ними и связывают их с просодическим выделением, в противоположность явно грамматическим значениям редупликаций.

3. Структура книги

Рецензируемая книга выстроена следующим образом. В первой главе представлены теоретическая база и метод исследования; вторая подробно рассматривает уже изученные аспекты, касающиеся повторов и редупликаций в звучащих и жестовых языках. В третьей главе эти принципы применяются к повторам в жестикуляции, и там же рассматриваются структурные и семантические характеристики таких комплексов; таблица на с. 61 показывает все встреченные в корпусе типы и их подробное описание. Четвертая и пятая (самая объемная) глава описывают, что такие жесты меняют в значении сопровождаемых слов и как они встраиваются в синтаксические структуры в речи. Здесь же обсуждается вопрос о том, можно ли говорить о мультимодальном синтаксисе, если учитывать такого рода жестикуляционные конструкции как часть речевого сообщения. Шестая глава затрагивает когнитивные аспекты жестовых повторов: в ней рассматривается внимание и салиентность (термин, пришедший из когнитивных наук и обозначающий выделенность некоторого объекта на каком-либо фоне) в ракурсе повторяющихся жестовых последовательностей. В седьмой (завершающей) главе обобщаются принципы построения паттернов (способов использования повторяющихся элементов) во всех трех рассмотренных типах знаковых систем — звучащих, жестовых языках и жестикуляции.

Каждая глава начинается с исчерпывающего введения для тех, кто не знаком с данной областью, и заканчивается кратким обобщением полученных результатов.

Таким образом, отталкиваясь от традиционных лингвистических областей (повторяющиеся паттерны в звучащих и жестовых языках как сфера морфосинтаксиса), Я. Брессем выделяет универсальные принципы их описания, не зависящие от модальности, и переносит их на менее структурированную и в целом малоизученную область — жестикуляцию, сопровождающую речь. Одна из главных особенностей жестикуляции как средства коммуникации заключается в том, что существенная доля синтаксических и дискурсивных связей в общении лицом к лицу выражается языковыми средствами, а движения рук выглядят менее связными и более хаотичными; собеседники не всегда подкрепляют свою речь жестами, поэтому движения рук могут передавать только часть сообщения, подчеркивая или дополняя его содержание; наконец, жесты, сопровождающие речь, в гораздо меньшей степени можно назвать конвенциональными, они более спонтанны, в них заметно большее влияние внеязыкового контекста и индивидуального стиля говорящего. В результате можно предположить, что к жестикуляции плохо применимо понятие синтаксиса. Задача книги — показать, что один из базовых принципов языка, а именно рекурсивность, прослеживается во всех аспектах языкового общения, включая невербальную составляющую.

4. Метод и материал

Материалом для исследования послужили видеозаписи разных жанров и видов дискурса (естественный разговор, телешоу, политические дискуссии, комментарии экспертов) с участием 40 немецкоязычных дикторов, общей продолжительностью 30 часов. Всего

в корпусе встретилось 182 жестовых повтора (которые были составлены суммарно из 921 жеста). Условием для отбора жестов было их появление внутри одной жестовой фразы (т. е. между повторами не было ретракций и возвращений в положение покоя, про фазы жеста подробнее см. [Kendon 2004; Litvinenko et al. 2018]). Жесты в этих повторах считались похожими, если в них была одинаковая конфигурация рук, ориентация ладони и/или характеристики движения.

Я. Брессем следует подходу К. Мюллер и ее коллег, когда при анализе жестов исследователь отталкивается от их формы и исходя из внешних признаков восстанавливает их значение, последовательно анализируя:

- 1) форму жеста;
- 2) локальный жестовый контекст — как жест встроен в последовательность других жестов;
- 3) локальный речевой контекст (синтаксис, семантика, прагматика);
- 4) особенности жестикуляции, использование жестов в подобных и других контекстах.

Анализ формы выбран ключевым признаком, но при этом фактически учитываются все аспекты языка, включая семантику и прагматику, а также более широкий контекст, вплоть до индивидуального стиля жестикуляции у данного говорящего. Авторы данного подхода, говоря о форме, считают ее проявлением когнитивно-семиотических свойств визуальных знаков, подразумевая, что жесты как знаки связаны с когнитивными процессами в сознании равно говорящего и слушающего, а их форма мотивирована действиями и образами в сознании говорящего и стандартными способами, которыми эти образы передаются в жестикуляции («Какие действия показывает говорящий, когда мы видим жест?»).

При анализе жесты сопоставлялись с интонационными единицами исходя из того, что интонационная единица — «фокус сознания говорящего в данный момент» [Chafe 1994: 63], а также для того, чтобы изучить, как жестикуляция сочетается с фразовым ударением. Для каждой фазы жеста (подготовка — переход от нейтрального положения к начальной точке собственно жеста; мах — основная фаза, передающая информацию адресату; ретракция — возвращение в нейтральное положение) были отмечены речевые единицы, синхронизированные с ними по времени (от фонем до предложений).

5. Типы жестовых повторов: итерации и редупликации

Говоря о жестикуляции, Я. Брессем различает два основных типа повторов: **итерации** и **редупликации**. В первом типе маховые фазы жестов не обязательно расположены сразу друг за другом (между ними может появиться подготовительная фаза перед следующим махом) и могут относиться к разным просодическим единицам; в отличие от редупликаций, они используются скорее в стилистических и прагматических целях и служат для привлечения внимания адресата за счет того, что повторяющийся сегмент становится более выделенным. Очевидно, что граница между двумя типами повторов (дискурсивные vs. грамматические значения) не дискретна: значения эмфазы и интенсификации могут передаваться любым типом.

Основным различием между итерациями и редупликациями Я. Брессем называет появление во втором типе конструкции, объединяющей отдельные элементы. При итерациях повтор единицы не приводит к созданию нового (комплексного) значения в жесте, каждый элемент такой конструкции независим от предыдущих и последующих и может быть удален из последовательности без изменения ее значения; это в каком-то смысле более простая структура (или, может быть, критерии для ее выделения более свободные). Доля таких последовательностей в изученном корпусе составила почти 90 %. Второй

тип — редупликативная конструкция — предполагает, что повторение создает структуры различной глубины, и подразумевает появление нового сложного значения, передаваемого независимо от контекста (в т. ч. речевого), в котором она была использована; получившаяся структура передает дополнительную семантическую и грамматическую информацию и таким образом вносит свой вклад в значение мультимодальной конструкции, в которой жесты и речь выступают как части одного сообщения. Аналогично редупликативным явлениям в речи, жестовые редупликации чаще всего связаны с семантикой итеративности (и тогда совпадают по времени с глагольной группой и передают адвербиальное значение) или множественности (в таких случаях могут совпадать по времени не только с именной группой, но и со всем высказыванием; если по времени и значению жест связан с именной группой, он выступает как адъективный компонент). Жесты, входящие в итеративные конструкции, могут, согласно подходу Я. Брессем, передавать некоторую дополнительную информацию, например, относительно траектории движения или формы предмета. Жесты в рамках редупликаций только дублируют семантическую информацию, содержащуюся в словах, сфера значений таких конструкций ограничена морфосинтаксисом

С точки зрения когнитивных процессов адресата, редупликации связаны с информацией, уже находящейся в фокусе внимания, а итерации — с тем, что находится на периферии внимания как некий второстепенный или фоновый материал. Повторяющиеся конструкции в жестикуляции можно расценивать как инструмент управления вниманием адресата, поскольку итерации делают соответствующую часть сообщения более выделенной. Таким образом, итерации в жестикуляции можно сравнить с повтором слов и словосочетаний в жестовых и звучащих языках, который используется для стилистических и просодических целей и может маркировать фокус внимания и различать фигуру и фон [Chafe 1994]. В отличие от них, редупликации в жестикуляции (сопоставимые с повторами морфем или частей слов в звучащих языках) выражают лексические и грамматические значения, такие как итеративность или множественность.

Из таблиц в главе 4, описывающих эти два типа повторов, можно предположить еще одно различие между итерациями и редупликациями: в первом случае чаще всего это иллюстрация конкретного действия, события или описание конкретного референта (собака, которая царапает пол; округлая форма миски), а во втором — метафорическое описание абстрактных явлений (как в примере на с. 57, где говорящая рассказывает о книге — руководе для парикмахеров — и добавляет: «Можно внимательно изучить все шаги», — делая три движения кистью руки от себя и перед каждым следующим движением сдвигающая руку вниз).

6. Заключение

Книга Я. Брессем «Повторы в жестах» отличается основательностью и последовательностью методологии и смелым, если не сказать революционным, взглядом на привычные явления. Очень аккуратное и последовательное сопоставление повторов в жестикуляции с одной стороны и в звучащих и жестовых языках с другой позволяет увидеть «протоязыковой» потенциал жестов, сопровождающих речь, и подтверждает тезис автора об изначальной мультимодальности языка в целом и грамматики в частности. Еще одно несомненное достоинство исследования — охват всех уровней языка, от фонетики до прагматики. Представляется перспективным различение а) жестов, встраивающихся в именные группы (как признаки референта), — грамматические значения редупликаций в этом случае относятся к сфере множественности — и б) жестов, синхронизированных и семантически связанных с глаголами (тогда их грамматическая область — аспектuality).

Примеры множественных (для жестов, соответствующих по времени именованным группам), итеративных и дуративных значений (для жестов, сопровождающих глагольные группы) в жестикуляции могут показаться интуитивно простыми и очевидными, однако анализ корпусных данных полезен здесь, чтобы связать сложные теоретические конструкции и повседневный опыт использования языка и жестов¹.

При этом в целом книгу «Повторы в жестах» отличает глубина и тщательность проработки темы: самый ранний из рассмотренных источников, посвященных языковым повторам, относится к 1862 году, а из современных источников охвачены практически все, имеющиеся отношение к жестам и к повторам в языке.

Еще одно достоинство книги — подробное описание примеров, в которых видно, с какими фонемами синхронизировано каждое движение, показано место фразового ударения и подробно описаны все особенности жеста (фаза жеста, конфигурация руки, ориентация ладони, траектория, направление движения и другие детали — например, изменение скорости на следующем повторе). Это позволяет проследить логику автора и одновременно может быть полезно как пример детальной разметки при сопоставлении языковых и кинетических явлений.

Схемы и подробные классификации рассматриваемых явлений помогают сравнить все типы повторов, найденные автором, исходя из разных признаков, однако иногда таблицам не хватает более развернутых описаний.

Среди важных находок в теоретическом и методологическом аспекте можно назвать также попытки оценить и описать с помощью иерархий степень семантической и синтаксической встроенности жестов в языковое высказывание, а также степень устойчивости мультимодальных конструкций, которые анализируются с позиций когнитивной грамматики Лангакера.

На мой взгляд, некоторую хаотичность в изложение вносит то, что определения основных изучаемых явлений меняются и уточняются по ходу работы. Так, в первых двух главах термин «повторы» (*repetitions*) используется и как общее понятие для итераций и редупликаций, и как синоним итераций (например, на с. 23 и 29); только при переходе к более подробному рассмотрению жестовых повторов появляется термин «итерации», снимающий неоднозначность. Затем редупликации разделяются на два типа — А и Б, но объяснение их различий появляется только 12 страниц спустя.

Некоторые наблюдения (например, описание функций итераций как преимущественно дискурсивных, а редупликаций — как грамматических; формальные и семантические различия этих двух типов жестовых повторов) повторяются каждые 10–15 страниц, с большей или меньшей подробностью. То же самое можно сказать про иконичность как принцип, лежащий в основе повторов (копирование сегментов и встраивание этих копий в структурированную последовательность) — этот факт упоминается много раз в разных главах.

Наконец, есть некоторые соображения дискуссионного порядка, которые тоже хотелось бы упомянуть.

В работах по жестикуляции иконичность нередко рассматривается как свойство, не требующее дополнительных обоснований. В данной книге среди жестовых последовательностей были такие, в которых маховые (основные) фазы жестов перемежались подготовительными, т. е. вспомогательными. Однако само по себе выделение или невыделение вспомогательных фаз в похожих по форме и значению жестах иногда выглядит субъективным и произвольным; еще более неоднозначным представляется прямолинейное толкование последовательностей с подготовительными фазами как менее тесно связанных

¹ Идею о том, что аспектуальные значения вполне можно визуализировать через иконические иллюстрации, можно встретить в статьях У. Крофта и Л. Янды [Croft 2012; Janda 2015], хотя их работ почему-то нет в списке источников (возможно, потому, что их исследования лежали скорее в области аспектуальности, чем жестикуляции).

между собой по сравнению с повторами, состоящими только из махов. В литературе есть примеры буквального толкования внешних признаков жестов: в работе Д. Макнила [McNeill 1992] жест, выполненный двумя руками, трактовался как свидетельство большей эмоциональной вовлеченности говорящего и одновременно важности события в рассказе (по сравнению с жестом, выполненным одной рукой). Позже было показано, что одно-ручность / двуручность жеста зависит скорее не от центральности события в нарративе и не от отношения к нему говорящего, а от свойств изображаемых референтов или действий. Возможно, в случае со вспомогательными фазами, вклинившимися в жестовые итерации, толкование таких последовательностей как менее связанных оправданно, но одной иконичности для обоснования этого недостаточно.

Как нередко бывает в таких работах, охватывающих почти все известные теории и описания, иногда на соседних страницах оказываются противоречащие друг другу точки зрения, выдвинутые разными авторами, но Я. Брессем это никак не комментирует, и читателю предстоит самостоятельно разобраться, кто прав: например, Д. Макнил, считающий, что жесты почти всегда при повторях заметно уменьшаются в амплитуде и/или времени реализации и используются для контраста с другим жестом или передачи диминутивных значений (цитата на с. 42), или Х. Брукс с наблюдениями о жестовых повторях, при которых идет нарастание амплитуды и смещение от себя и вверх, что выражает увеличение количества или степени некоторого признака (с. 43). Наконец, в работе встречаются опечатки, путаница с нумерацией таблиц, синтаксические и стилистические погрешности.

Из-за перечисленных выше недочетов текст выглядит несколько сырым и не очень тщательно вычитанным; создается впечатление, что желание автора издать книгу быстро было сильнее желания «причесать» текст. Однако это предоставляет читателю возможность проследить логику рассуждений и увидеть, как формировалась система, которая получилась в итоге, что само по себе интересно.

Что касается изначального посыла про принципиальное различие двух типов повторов (дискурсивного vs. грамматического по своим функциям, или более полного и точного копирования vs. модификации движения к концу серии с точки зрения формальных признаков жеста), это противопоставление кажется несколько натянутым, хотя теоретически оно может быть полезно для выявления не всегда заметных, но значимых различий. Судя по приведенным примерам и комментариям к ним, оба типа функций могут прекрасно сочетаться в одном жесте (эмфаза как «просодическая» функция может быть дополнительным значением и в итерациях, и в редупликациях; дублировать или, наоборот, дополнять значение слова могут оба типа), и их выраженность, как представляется после прочтения, скорее зависит от угла зрения и целей исследования, чем от собственных свойств объекта наблюдения. При этом несомненная ценность книги состоит в том, что она подробно показывает, как абстрактные грамматические категории проявляются в жестах или эволюционируют из жестов (которые, по некоторым гипотезам, произошли от практических действий) и, более глобально, из опыта взаимодействия с миром. Таким образом подход Я. Брессем связывает идею воплощенного познания, с которой сейчас связано одно из самых бурно развивающихся направлений в психологии, и базовые лингвистические концепты. И с другой стороны, автор приводит убедительное обоснование того, что можно говорить о языке как фундаментальной когнитивной способности человека независимо от того, наблюдаем мы его через призму звучащих языков, жестовых языков или жестикуляции, сопровождающей речь.

В дальнейших исследованиях в этой области предстоит проверить надежность формальных и семантических признаков для различения выделенных подгрупп среди жестовых повторов (итерации и редупликации, а среди вторых — связанные с метафорическим отображением движения и, соответственно, значениями итеративности vs. повторы как использование пространства для выражения значения множественности).

Еще один дискуссионный вопрос касается «битов» («жестовых ударений») — это такой тип жестов, который отличается предельно простой формой и нечетким значением,

в прототипическом случае это короткое движение расслабленной руки вниз одновременно с фразовым ударением. Я. Брессем несколько раз возвращается к идее о том, что «биты» — возможно, не отдельный тип жестов в целом, а что-то вроде просодической модификации более содержательных жестов, когда на какой-то другой жест накладываются несколько коротких движений вниз. В рассмотренных примерах встречаются случаи, которые можно было бы отнести к «битам» и с точки зрения функций (просодическое выделение, управление вниманием адресата), однако собственно «биты» (или ритмические жесты как отдельный тип для многократных «битов» в классификации [Ekman, Friesen 1969]) не рассматриваются ни как отдельная категория, ни как подтип жестовых повторов, хотя приведенные в книге примеры среди первого типа жестовых повторов (итераций) позволяют предположить, что могут быть основания для выделения многократных «битов» в отдельную группу.

Судя по примерам, подробно разобранным в книге, получается, что типы жестовых повторов, в зависимости от

- а) их формальных признаков (наличие дополнительных фаз в жесте),
- б) функционального типа (абстрактные или конкретные изобразительные жесты, или же рекуррентные жесты с наложенной ритмической составляющей),
- в) дополнительной семантической информации в жесте

— разделяются на три сферы языка, с которыми они взаимодействуют:

- 1) семантика (итерации, которые представляют собой иллюстрации конкретных референтов и событий, опирающиеся в первую очередь на визуально-кинестические репрезентации),
- 2) синтаксис (редупликации, к которым были отнесены иллюстрации абстрактных референтов и событий, отчасти опирающиеся на культурно обусловленные жестовые метафоры, например для таких понятий, как пошаговый процесс или разнонаправленное повторяющееся движение),
- 3) просодия («биты», наложенные на рекуррентные или какие-то другие жесты).

В зависимости от того, к какой части предложения относится вербальная составляющая, иллюстрируемая жестами, можно дополнительно говорить о разделении на жесты, связанные со значением множественности vs. аспектуальности.

В заключение можно сказать, что эта книга — еще один шаг к пониманию того, как жестикуляция используется в коммуникации. Прделанная Я. Брессем работа показывает, что разные признаки жестовых последовательностей оказываются связаны с лингвистическими характеристиками сопровождаемых жестах слов. Эта работа демонстрирует, что уже созданы и проверены методы для такого соотнесения (способы оценить, насколько жесты добавляют новую информацию по отношению к словам и насколько различается информация, передаваемая словами и жестами; практика выявления грамматических значений, таких как множественность или итеративность, если они передаются жестами; степень встроенности жеста в языковое выражение и степень устойчивости этой связи и ее повторения в разных контекстах). Какие-то из этих методов, несомненно, требуют доработки, многие выводы и аксиомы предстоит проверить и подтвердить или опровергнуть в дальнейших исследованиях, однако очевидно, что эта книга — важный вклад в понимание того, как в речевой коммуникации используются другие каналы, помимо вербального, для передачи чисто языковых значений, и того, что язык включает кинестические средства, даже если речь идет не о языках глухих, а о жестикуляции, сопровождающей речь.

Кроме того, анализ повторяющихся структур в звучащих и жестовых языках и в жестикуляции показал универсальность повторов как фундаментального принципа для построения более сложных единиц. Можно ли в таком контексте говорить про «грамматику» жестов — видимо, вопрос не столько терминологии, сколько времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Chafe 1994 — Chafe W. L. *Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Cienki 2012 — Cienki A. Usage events of spoken language and the symbolic units (may) abstract from them. *Cognitive processes in language*. Kosecki K., Badio J. (eds.). Frankfurt: Peter Lang, 2012, 149–158.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Duncan 2005 — Duncan S. Gesture in signing: A case study in Taiwan Sign Language. *Language and Linguistics*, 2005, 6(2): 279–318.
- Ekman, Friesen 1969 — Ekman P., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage and coding. *Semiotica*, 1969, 1: 49–98.
- Fricke 2012 — Fricke E. *Grammatik multimodal: Wie Wörter und Gesten zusammenwirken*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.
- Fricke 2014 — Fricke E. Between reference and meaning: Object-related and interpretant-related gestures in face-to-face interaction. *Body — language — communication. An international handbook on multimodality in human interaction*. Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D., Bressen J. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014, 1788–1802.
- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries. *Cognitive Linguistics*, 2008, 19(1): 1–33.
- Janda 2015 — Janda L. A. Russian aspectual types: Croft's typology revised. *Studies in Slavic linguistics and accentology in honor of Ronald F. Feldstein*. Shrager M., Andrews E., Fowler G., Franks S. (eds.). Bloomington: Slavica Publ., 2015, 147–167.
- Kendon 2004 — Kendon A. *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Kimmelman 2018 — Kimmelman V. Reduplication and repetition in Russian Sign Language. *Exact repetition in grammar and discourse*. Finkbeiner R., Freywald U. (eds.). Boston: De Gruyter Mouton, 2018, 91–109.
- Kita, Özyürek 2003 — Kita S., Özyürek A. What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal? Evidence for an interface representation of spatial thinking and speaking. *Journal of Memory and Language*, 2003, 48: 16–32.
- Kok, Cienki 2016 — Kok K. I., Cienki A. Cognitive Grammar and gesture: Points of convergence, advances and challenges. *Cognitive Linguistics*, 2016, 27(1): 67–100.
- Langacker 1999 — Langacker R. *Grammar and conceptualization*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Litvinenko et al. 2018 — Litvinenko A. O., Kibrik A. A., Fedorova O. V., Nikolaeva Ju. V. Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 2018, 5(2): 4–17.
- Mattes 2014 — Mattes V. *Types of reduplication: A case study of Bikol*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- McNeill, Duncan 2000 — McNeill D., Duncan S. Growth points in thinking for speaking. *Language and gesture*. McNeill D. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 141–161.
- McNeill 1992 — McNeill D. *Hand and mind. What gestures reveal about thought*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Müller, Tag 2010 — Müller C., Tag S. The dynamics of metaphor: Foregrounding and activating metaphoricity in conversational interaction. *Cognitive Semiotics*, 2010, 6: 85–120.
- Müller 2000 — Müller C. Zeit als Raum. Eine kognitiv-semantische Mikroanalyse des sprachlichen und gestischen Ausdrucks von Aktionsarten. *Botschaften verstehen. Kommunikationstheorie und Zeichenpraxis. Festschrift für Helmut Richter*. Hess-Lüttich W. B., Schmitz E., Walter H. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000, 211–228.
- Niepokuj 1997 — Niepokuj M. *The development of verbal reduplication in Indo-European*. Washington: Institute for the Study of Man, 1997.
- Pfau, Steinbach 2005 — Pfau R., Steinbach M. Backward and sideward reduplication in German Sign Language. *Studies on reduplication*. Hurch B. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2005, 569–594.
- Stolz 2007 — Stolz T. Re: duplication: Iconic vs counter-iconic principles (and their correlates). *Europe and the Mediterranean as linguistic areas*. Ramat P., Roma E. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007, 317–350.

- Wilbur 2009 — Wilbur R. B. Productive reduplication in a fundamentally monosyllabic language. *Language Sciences*, 2009, 31(2–3): 325–342.
- Wilcox, Xavier 2013 — Wilcox S., Xavier A. N. A framework for unifying spoken language, signed language and gesture. *Todas as Letras: Revista de Língua e Literatura*, 2013, 15(1): 88–110.
- Uspensky 1972 — Uspensky B. A. Subsystems in language, their interrelations and their correlated universals. *Linguistics*, 1972, 10(88): 53–71.

Получено / received 23.01.2023

Принято / accepted 21.03.2023

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 14.04.2023 Дата выхода в свет 28.04.2023
Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5 Тираж 250 экз. Зак. 5/2а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-22 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1